

Дорогие авторы и читатели!

В очередном выпуске нашего журнала опубликованы статьи, посвященные различным вопросам истории, языка, культуры и образования.

В разделе «Этнография, этнология и антропология» размещена статья О. И. Уляшева «Бурсьылсь – певцы добра: мистические практики и нарративы». Этот труд привлек внимание редакционной коллегии, и мы думаем, что она будет интересна широкому кругу читателей. Статья представляет собой оригинальное научное исследование, в котором представлен редкий полевой материал.

В статье И. Г. Петрова «Ритуальные функции одежды в поминальной обрядности чувашей» на множестве примеров, как лингвистических, так и этнографических, показываются разные аспекты использования одежды – в качестве обрядового предмета и средства коммуникации. В основе исследования лежит уникальный авторский полевой материал, который, несомненно, заинтересует фольклористов, работающих на материале ритуальных практик.

Тема русско-караимских учебных заведений Таврической губернии рассматривается в работе Е. А. Чепурко. Автором анализируется вклад видных национальных педагогов, общественных деятелей и меценатов в распространение просвещения на территории Таврической губернии. Работы подобного рода помогают осознать историческую важность просветительской работы для региональных культур в целом.

Удачная попытка проведения сопоставительного анализа языковых средств предпринимается в статье Ю. Ю. Клыковой, И. Ю. Шачковой «Фразеологические единицы в интервью В. В. Путина Т. Карлсону и приемы их перевода». Работа будет интересна и теоретикам, и практикам перевода.

Редакция и редколлегия выражают искреннюю благодарность всем внешним экспертам журнала, которые поделились своим профессиональным мнением о публикуемых материалах.

Дорогие читатели, авторы и рецензенты! Редакционный совет, научный коллектив и руководство Чувашского государственного института культуры и искусств желают вам крепкого здоровья, новых научных открытий и творческих свершений!

Баскакова Н. И.,
ректор Чувашского государственного института культуры и искусств,
кандидат философских наук

A FOREWORD FROM THE EDITOR-IN-CHIEF

Dear authors and readers!

The next issue of our journal contains articles on various issues of history, language, culture and education.

The section „Ethnography, Ethnology and Anthropology” contains an article by Oleg I. Ulyashev „Bursyylis – singers of good: mystical practices and narratives”. This work has attracted the attention of the editorial board, and we think it will be of interest to a wide range of readers. The article is an original scientific study, which presents rare field material.

The article by Igor G. Petrov „Ritual functions of clothing in the memorial rites of the Chuvashs” shows various aspects of the use of clothing as a ceremonial object and a means of communication using a variety of examples, both linguistic and ethnographic. The research is based on the unique author’s field material, which will undoubtedly be of interest to folklorists working on the material of ritual practices.

The topic of Russian-Karaite educational institutions of the Taurida province is considered in the work of Ekaterina A. Chepurko. The author analyzes the contribution of prominent national educators, public figures and patrons to the spread of education in the territory of the Tauride province. Works of this kind help to realize the historical importance of educational work for regional cultures in general.

A successful attempt to conduct a comparative analysis of linguistic means is made in the article by Yulia Y. Klykova, Irina Y. Shachkova „Strategies of Translating Phraseological Units (on the Interview of Vladimir Putin to Tucker Carlson)”. The work will be of interest to both theorists and translation practitioners.

The editorial board and the editorial board express their sincere gratitude to all the external experts of the journal who shared their professional opinion about the published materials.

Dear readers, authors and reviewers! The Editorial Board, the scientific staff and the leadership of the Chuvash State Institute of Culture and Arts wish you good health, new scientific discoveries and creative achievements!

Natalia I. Baskakova,
rector of the Chuvash State Institute of Culture and Arts,
candidate of philosophical sciences

Ритуальные функции одежды в поминальной обрядности чувашей

<https://doi.org/10.31483/r-111756>
УДК 398.33(470.57)(=470.344)

Петров И. Г.

Институт этнологических исследований им. Р. Г. Кузеева
Уфимского федерального исследовательского центра РАН
г. Уфа, Российская Федерация.

 <https://orcid.org/0000-0001-8664-3004>, e-mail: ipetrov62@yandex.ru

Резюме. Одной из функций одежды является ритуальная, в соответствии с которой она становится важным инструментом или объектом различных магических практик. В настоящей статье на примере чувашей Волго-Уральского региона рассмотрены функции одежды покойника в обычаях и обрядах поминального цикла. По отдельным тематическим блокам автором исследуется роль одежды как обрядового предмета на больших поминках, на поминках сорокового дня и на общих летних поминках. В основу статьи положены опубликованные труды по истории и этнографии чувашей XIX – начала XX в., архивные источники, полевые материалы автора, собранные в разные годы в Республиках Башкортостан и Татарстан. В поминальных обрядах одежда фигурирует и активно используется в качестве заместителя покойника, а также подношения, адресованного умершему от имени живых родственников. Благодаря этим качествам одежда становится одним из важных и универсальных средств коммуникации между миром живых и миром покойников. Обряды с одеждой в поминальных обрядах сохранились и бытуют и в современной ритуальной практике. Такая устойчивость, с одной стороны, обусловлена глубокой архаичностью и консервативностью погребального обряда в целом, с другой – сравнительной устойчивостью данного ритуала к современным инновациям.

Ключевые слова: чуваше, Волго-Уральский регион, похоронно-поминальная обрядность, одежда и ее ритуальные функции.

Благодарности. Исследование выполнено в рамках государственного задания ИЭИ УФИЦ РАН № 122041900118-5.

Для цитирования: Петров И. Г. Ритуальные функции одежды в поминальной обрядности чувашей // Этническая культура. 2024. Т. 6, № 2. С. 8–15. DOI 10.31483/r-111756. EDN TBLXVX

Research Article

Ritual functions of clothing in the memorial rites of the Chuvashs

Igor G. Petrov

Institute of Ethnological studies of R.G. Kuzeev of the
Ufa Federal Research Center of the Russian Academy of Sciences
Ufa, Russian Federation.

 <https://orcid.org/0000-0001-8664-3004>, e-mail: ipetrov62@yandex.ru

Abstract. Clothes perform many functions. One of them is the ritual function, according to which it becomes an important tool or object of various magical practices. In this article, using the example of the chuvashs of the Volga-Ural region, the functions of the deceased's clothes in the customs and rituals of the memorial cycle are considered. On separate thematic blocks, the role of clothing as a ritual item at large commemorations, at the fortieth day commemoration, as well as at general summer commemorations was investigated. The article is based on published works on the history and ethnography of the chuvashs of the 19th – early 20th centuries, archival sources, as well as field materials of the author collected in different years in the Republic of Bashkortostan and the Republic of Tatarstan. It has been revealed that in the funeral rites, clothes appear and are actively used as a substitute for the deceased, as well as an offering addressed to the deceased on behalf of living relatives. Thanks to these qualities, clothing is one of the important and universal means of communication between the world of the living and the world of the dead. Rites with clothes in memorial rites have been preserved and exist in modern ritual practice. Such stability, on the one hand, is due to the deep archaic and conservative funeral rite as a whole, on the other hand, the comparative stability of this ritual to modern innovations.

Keywords: Volga-Ural region, Chuvashs, funeral and memorial rites, clothing and its ritual functions.

Acknowledgments. The study was carried out within the framework of the state assignment of the IES USC RAS no. 122041900118-5.

For citation: Petrov I. G. (2024). Ritual functions of clothing in the memorial rites of the Chuvashs. *Etnicheskaya kultura = Ethnic Culture*, 6(2), 8–15. EDN: TBLXVX. <https://doi.org/10.31483/r-111756>.

Введение

Одежда является одним из ярких и самобытных элементов материальной культуры. Кроме того, одежда – это комплекс взаимосвязанных между собой составных частей, формирующих внешний облик человека, и они несут большую смысловую нагрузку. С. А. Токарев подчеркивал, что кроме основной утилитарной функции у одежды имеются и вторичные,

а именно: поло-разделительная и социально-разделительная функции¹.

Как и любая часть материальной культуры, одежда имеет тесную связь с духовной культурой – мифами, религией, религиозными верованиями, ритуалами. В этих областях одежда в большей мере выполняет уже не утилитарную, а знаково-символическую функцию. Имея это в виду, А. К. Байбурин отмечал,

¹ Токарев С.А. К методике этнографического изучения материальной культуры // Советская этнография. 1970. №4. С. 8.

что «фольклор, этикет, ритуал, вещи и технология, как семиотические системы соположены друг с другом и представляют собой набор систем, моделирующих мир теми средствами, которые в них заложены»². Кроме того, погребальная одежда в обряде выполняла предметный и акционально-вербальный коды [Афанасьева, 2017, с. 57–61]. Таким образом, предметы материальной культуры, в том или ином качестве используемые в обряде, обладают дополнительной информацией о сути совершаемых действий, усиливают их чувственное восприятие и являются одним из форм коммуникации. Отсюда следует вывод, что задачей исследователя является не только обстоятельное изучение и описание внешних признаков той или иной области материальной культуры (одежды в том числе), но и анализ ее смыслового содержания.

В свете сказанного определенным научным интересом представляет изучение свойств и функций одежды в поминальной обрядности чувашей. Имеющаяся литература и источники показывают, что на каждом этапе указанного обряда одежда и ее отдельные элементы позиционируют себя как значимый инструмент, средство и объект ритуальных практик.

В целом по похоронно-поминальной обрядности чувашей накоплены богатая литература и источники, однако в этих исследованиях одежда в качестве обрядового предмета и средства коммуникации изучена лишь фрагментарно и эпизодически.

Затронутая тема представляет актуальность и с точки зрения выявления в ней дохристианских, так называемых языческих представлений потому, что элементы традиционной народной религии в той или иной мере сохраняются бытуют не только среди некрещеных чувашей, но и православного большинства чувашского населения. Наиболее устойчиво они сохранились в обрядах похоронно-поминального цикла³.

Цель исследования – показать и проиллюстрировать некоторые факты и особенности ритуального использования одежды в поминальной обрядности чувашей. Для ее достижения поставлены следующие задачи: рассмотреть функции одежды покойника на так называемых больших поминках *юпа* у некрещеных и поминках сорокового дня у крещеных чувашей; рассмотреть использование одежды в качестве объекта обрядовых практик во время общих поминок *чимёк*.

Материалы и методы исследования

В качестве источниковой базы использованы опубликованные труды по похоронно-поминальной обрядности чувашей, а также полевые материалы автора (ПМА), собранные в 2005, 2014, 2020–2022 гг. в Республике Башкортостан (РБ) и Республике Татарстан (РТ):

2 Байбурин А. К. Некоторые вопросы изучения объективированных форм культуры (к проблеме этнографического факта) // Сборник Музея антропологии и этнографии. Т. 38. Ленинград : Наука, 1982. С. 12.

3 Ягафова Е. А. Чувашки Урал-Поволжья: история и традиционная культура этнотерриториальных групп (XVII – начало XX в.). Чебоксары : Чувашский государственный институт гуманитарных наук, 2007. С. 83–96.

- в 2005 – с. Манеево, Месели Аургазинского, Айгулево, Ишпарсово, Косяковка Стерлитамакского, с. Тяттербашево Стерлибашевского районов РБ;
- в 2014 – с. Клементейкино, Новое Суркино, Старое Суркино Альметьевского, с. Новое Ильмово Черемшанского, д. Новое Сержкино Лениногорского, с. Аксумла, д. Ерепкино Нурлатского районов РТ;
- в 2020 – с. Кистенли-Богданово, Кош-Елга Бижбулякского района РБ;
- в 2021 – с. Салдакаево, Якушкино Нурлатского, Савгачево, Урмандеево, д. Абрискино, Сидулово-Ерыклы Акусбаевского районов РТ;
- в 2022 – с. Асавбашево, Манеево, Месели, д. Малый Нагадак Аургазинского, с. Васильевка Ишимбайского, с. Кирюшкино, Новоселка, д. Веселовка Федоровского районов РБ.

Сбор и обобщение полевых материалов выполнены методами непосредственного (включенного) наблюдения, опроса и полужурнализованного интервью.

Для анализа источников применен сравнительно-исторический и структурно-функциональный методы.

Результаты исследования и их обсуждение

Одежда покойника на больших поминках «юпа» у некрещеных чувашей. Некрещеные чувашки усопшего поминали на третий день (*виççёш*), на седьмой день (*сиччёш*), затем еженедельно по четвергам (*эрне кас*), а также на больших поминках (*юпа*). Последние назывались так потому, что, согласно чувашской языческой традиции, в этот день на могиле усопшего рядом с временным памятником в виде дощечки антропоморфной формы *салам калакё* или *чёре калакё* устанавливали надмогильный столб – *юпа*. Последний представляет собой антропоморфный столб, на могиле мужчины – из дуба или камня с плоским верхом, женщины – из липы или камня с округлым верхом. Кроме этого, на женские надгробия, в зависимости от возраста и семейного положения вырезали изображения девичьих (*тухья*) или женских (*сурпан, масмак, хушту*) головных уборов и украшений (*ама, сурпан çакки*)⁴.

Традиционно надмогильные столбы юпа чувашки устанавливали только один раз в год в месяц юпа (октябрь). Этот обряд проводили на исходе лунного месяца или на старом месяце во второй половине месяца. Однако в XX в. среди значительной части некрещеных чувашей сроки проведения юпа стали варьироваться. В одних селениях его проводили два раза: перед Петровым днем в июле и в октябре (РТ, Альметьевский р-н, с. Старое Суркино), в других селениях, очевидно, под влиянием православия на сороковой день (РТ, Черемшанский р-н, с. Новое Ильмово, РТ, Аксубаевский р-н, д. Сидулово-Ерыклы),

4 Руденко С. И. Чувашские надгробные памятники // Материалы по этнографии России. Санкт-Петербург : Государственный Русский музей, 1910. Том 1. С. 81–88; Трофимов А. А. Чувашская народная культовая скульптура. Чебоксары : Чувашское книжное издательство, 1993. 237 с.; Салмин А. К. Система религии чувашей. Санкт-Петербург : Наука, 2007. 654 с. Трофимов А. А. Чувашская народная культовая скульптура. Чебоксары : Чувашское книжное издательство, 1993. 237 с.

в-третьих – в день похорон (Самарская область, Шенталинский р-н, с. Старое Афонькино) [Ягафова, Петров, 2023, с. 213–214].

«Присутствие» покойника на поминках обставлялось по-разному. Для него за столом отводили отдельное место – стул с подушкой, на стол клали столовые приборы, во время обряда ритуального кормления *хывни* в отдельную чашу с поминального стола собирали кусочки еды, а в другую посуду – питье, а потом, после трапезы, все это выносили на улицу и выливали около столба ворот⁵ [Петров, 2018, с. 216–217].

Незримое пребывание покойника на поминках обеспечивали также предметы его одежды. Например, ее использовали на еженедельных четверговых поминках, когда все приглашенные гости до начала трапезы ходили в баню. При ее посещении хозяева или родственники обращались в сторону кладбища и приглашали покойника помыться. Люди, которые уходили из бани последними, на широкой полке для него оставляли чашу, ковшик с водой, веник, мочало, а в предбаннике вешали полотенце, чистое белье или рубаху⁶. На другой день все это стирали, высушивали, а на следующие четверговые поминки вешали снова [ПМА, 2021]. Как видим, в данном случае белье и одежда использовались в качестве метонимического заместителя умершего человека. Они обеспечивали его присутствие в ритуале.

Такую же функцию замещения покойника одежда выполняла на больших поминках *юна*. В этот день некрещеные чуваша не только поминали умершего и окончательно провожали в мир предков, но и устанавливали на могиле *юна*, т. е. столб. Перед этим столб заносили в дом, а затем укладывали на широкую скамью или кровать. После этого начиналась процедура обрядования столба, смысл которой заключался в наложении на него различных предметов одежды покойника, главным образом нательной одежды и головного убора [Петров, 2015]. К примеру, на столб мужчины клали рубаху, кальсоны, штаны, а на макушку надевали шапку. На женский столб клали платье, передник, нагрудное украшение, а на головную часть обязательно завязывали платок (рис. 1). Иногда вместо платка на верхушку столба надевали головной убор из бисера и серебряных монет: на женщин – женский головной убор *хушпу*, на девушек – девичий убор *тухья*⁷. Во время поминок его участники время от времени подходили к лежащему столбу, надевали на себя что-нибудь из одежды покойника и приступали к пляске⁸ [Петров, 2015].

5 Прокопьев К. П. Похороны и поминки у чуваш. Казань : Императорский университет, 1903. 39 с.; Салмин А. К. Указанное сочинение, С. 280–354.

6 Салмин А. К. Указанное сочинение. С. 315, 324.

7 Магницкий В. К. Материалы к объяснению старой чувашской веры : собраны в некоторых местностях Казанской губернии В. Магницким, членом-сотрудником Казанского общества археологии, истории и этнографии. Казань : Типография Императорского университета, 1881. С. 179–180; Прокопьев К. П. Указанное сочинение. С. 28–29.

8 Магницкий В. К. Указанное сочинение. С. 180; Прокопьев К. П. Указанное сочинение. С. 29–30.

Рис. 1. Надмогильный столб (*юна*), покрытый сверху женской одеждой.

Самарская область, Шенталинский р-н, с. Старое Афонькино. 1990 г.

Научный архив Чувашского государственного института гуманитарных наук. Отдел 8. Единица хранения 958. Инвентарный № 8606-4

Fig. 1. A grave pole covered with women's clothes on top. Samara region, Shentalinsky district, Old Afonkino village. 1990.

Scientific Archive of the Chuvash State Institute of Humanities

В настоящее время на больших поминках одежду покойника не одевают и не пляшут, а отдают кому-нибудь из родственников. Этот человек надевает ее на себя и пребывает в ней в продолжение всей церемонии, а потом забирает себе на память. К примеру, так поступают некрещеные чуваша Альметьевского (с. Новое Суркино) и Лениногорского (с. Новое Серезжино) районов РТ [ПМА, 2014].

На рассвете следующего дня мужчины столб выносили из дома, а затем на телеге отвозили на кладбище. Однако перед этим они совершали небольшую остановку за пределами селения, символической границы между миром живых и миром мертвых, и с помощью уложенных на землю обрубок дерева или досок прокладывали мост в «потусторонний мир» [Петров, 2020]. Бытовало поверье, что отныне по этому мосту к родственникам время от времени будет приходить покойник, особенно по поминальным дням и датам. Перейдя эту условную границу, на той стороне оврага, ручья или речки провожающие зажигали костер, в землю забивали столик и стульчик на одной ножке и на ней раскладывали питье и угощения, предназначенные для покойника. После небольшого угощения и пляски вокруг костра участники обряда держали путь на кладбище.

В некоторых селениях провожающие во время прокладывания символического моста из тонких жердей или ветвей дополнительно сооружали поручни и на них развешивали одежду и обувь покойного. Существовало поверье, что у умершего со дня похорон до больших поминок изнашивается одежда и ее необходимо обновить. Приведем фрагмент описания данного ритуала в д. Изванкино Ядринского уезда Казанской губернии, извлеченный из Словаря

Рис. 2. Надгробный столб (юпа) на женской могиле. Республика Татарстан, Нурлатский р-н, с. Аксумла. 2014 г. Фото автора
Fig. 2. The grave table on the female grave. Republic of Tatarstan, Nurlatsky district, Aksumla village. 2014. Photo of the author

Рис. 3. Надгробный столб (юпа) на мужской могиле. Республика Татарстан, Нурлатский р-н, с. Аксумла. 2014 г. Фото автора
Fig. 3. The grave table on the man's grave. Republic of Tatarstan, Nurlatsky district, Aksumla village. 2014. Photo of the author

чувашского языка Н. И. Ашмарина⁹: «Унтан вара сырма урлă вилнĕ сын кĕперри хуса карлакĕсене сапăсенчен турĕç. Вăл карлаксем сине кĕпесем, йĕмсем, сурпансем, масмаксем, тăлла-çăпатасем [çакрĕç]: ялан хура ан сўре, шураңран-шура тăхăнса таса сўре, сĕн сынтан аван тăхăнса сўре [терĕç]» (Затем через речку проложили мост покойника, а перила сделали из веток. На эти перила повесили платья, портки, сурбаны¹⁰, масмаки¹¹, онучи с лаптями и сказали: изо дня в день грязным не ходи, одевайся опрятно, наряжайся не хуже молодухи). Все принесенные из дома вещи, в том числе одежду, после этого оставляли здесь же в овраге или выбрасывали в ближайшую речку [Петров, 2018, с. 216–222].

Как можно заметить, в этой части ритуала одежда уже используется не в качестве заместителя покойника, а в качестве дара или подношения. Соблюдая этот обычай, родные и близкие покойного проявляли заботу о нем и удовлетворяли его потребности, чтобы он ни в чем не нуждался.

⁹ Ашмарин Н. И. Чăваш сăмахĕсен кĕнеки = Словарь чувашского языка : в 17 томах. Казань – Чебоксары, 1928–950. Выпуск 5. С. 234.
¹⁰ Сурбан (чув. *сурпан*) – женский головной убор из белого холста в виде полотенца с вышитыми и ткаными концевками.
¹¹ Масмак – женская орнаментированная налобная повязка.

Предметы одежды на больших поминках *юпа* некрещеными чувашами продолжают использоваться и в настоящее время. В некоторых селениях Нурлатского района РТ (с. Аксумла, Якушкино, Салдакаево), как только на могиле устанавливают столб, на него водружают или завязывают мужской или женский головной убор [ПМА, 2014, 2021]. На мужской столб сверху надевают шапку-ушанку, кепку или картуз, на женский завязывают платок (рисунки 2–3).

Такого же обычая придерживаются в с. Савгачево и д. Сидулово-Ерыклы Аксубаевского района РТ [ПМА, 2021]. На женский надмогильный столб завязывают платок или полотенце, а на мужской столб – исключительно полотенце (рис. 4).

Как можно заметить, в данном случае предметы одежды используются с таким же семантическим подтекстом – в качестве дара, но уже непосредственно на территории кладбища. Кроме этого, все эти предметы выполняют немаловажную знаковую функцию, так как подчеркивают гендерные различия погребенных.

Рис. 4. Надгробный столб (юпа) с полотенцем на мужской могиле. Республика Татарстан, Аксубаевский р-н, с. Савгачево. 2021 г. Фото автора
Fig. 4. The grave table “yuba” with canvas on a man’s grave. Republic of Tatarstan, Aksubaevsky district, Savgachevo village. 2021. Photo of the author

Одежда на поминках сорокового дня у крещеных чувашей.

Близкие по содержанию обряды с одеждой сохранились на поминках сорокового дня у крещеных чувашей. Однако, в отличие от некрещеных, они бытуют в виде отдельных, плохо сохранившихся и исчезающих рудиментов. Объясняется это тем, что все языческое считалось неугодным официальной православной религии и в течение столетий всячески изгонялось из религиозной и бытовой жизни чувашей-христиан. Наличие и сохранность таких рудиментов демонстрируют современные экспедиционные исследования. Так, чуваша с. Тяттербашево Стерлибашевского района РБ в день сороковин на перекладине под потолком или на стене развешивают одежду покойника – пиджак, брюки, рубашку, картуз, шапку (мужчине), платок, платье, передник (женщине). Иногда эти вещи раскладывают на кровати. По завершению обряда хозяйка собирает и хранит их до наступления следующих поминок через полгода, год и три года. После этого вещи покойника в поминальных обрядах больше не используются [ПМА, 2005].

В таком же контексте следует рассматривать использование одежды на поминках сорокового

дня у чувашей-христиан с. Кистенли-Богданово Бижбулякского района РБ. К этим поминкам здесь для покойника шьют или покупают новую одежду (для мужчины рубашку, для женщины платье). Об этом Л. И. Кулякова (1948 г. р.) поведала следующее: «У нас в деревне к сороковинам для покойника обязательно готовят новую одежду. Допустим, умерла. По нашему обычаю, мои дети до наступления поминок обязаны приготовить новое платье. Они могут его приобрести в магазине, сшить самостоятельно или сделать по заказу. Потом это платье нужно отдать кому-нибудь из родственников. Почему это необходимо? Потому, что существует поверье, что в «том мире» в течение 40 дней покойнику приходится пройти через игольные ушки сорока иголок, в результате чего он потеет, а его одежда сильно изнашивается. Поэтому ее надо поменять на новую. Для этого, как я уже сказала, для покойника специально шьют или покупают новую рубашку, а потом отдают кому-нибудь из друзей или родственников. И этот человек, поминая покойного, должен ее надеть» [ПМА, 2020]. Получивший такую одежду человек, по своему усмотрению надевал ее непосредственно во время поминок или после, когда возвращался к себе домой. Главное, чтобы полученные вещи не лежали без применения, а периодически использовались.

Таким образом, приведенные примеры демонстрируют, что схожие представления, связанные с одеждой покойника, сохранились и в ритуальной практике крещеных чувашей. С одной стороны, одежда в ней фигурирует как материальное воплощение или символический заместитель покойного, с другой – как обязательное подношение от родственников для существования в потустороннем мире.

Одежда на общих поминках предков *симёк*.

Симёк – один из основных обрядов семицко-троицкого цикла обрядового календаря чувашей. Своим названием он происходит от русского слова *семик* – обряда поминовения предков, который проводится на седьмой неделе после Пасхи. У славянских народов он предшествовал поминовению всех предков в Троицкую субботу и отмечался в четверг¹². Так как данный обряд известен на значительной территории расселения чувашей, он может быть отнесен к элементам общечувашского обрядового комплекса. В то же время в отдельных локусах, например, в некоторых селениях Закамья, в среднем и нижнем течении р. Большой Черемшан указанное слово не используется, а летнее поминовение предков проводится в среду накануне Вознесения. Если некрещеные чуваша, а также чуваша-христиане, придерживающиеся более традиционной хронологии чувашского обрядового календаря, *симёк* отмечают в четверг перед Троицей, то основная часть чувашей-христиан – либо в субботу перед Троицей, либо в воскресенье. Традиционно *симёк* считается одним из трех обязательных дней поминовения предков. Если весенние и осенние поминовения усопших проходят

¹² Агапкина Т. А. Семик // Славянские древности: этнолингвистический словарь: в 5 томах / ответственный редактор С. М. Толстая. Москва, 2009. Том 4. С. 612–613.

Рис. 5. Женское платье и платок на надмогильном кресте. Республика Башкортостан, Ишимбайский р-н, с. Васильевка. 2022 г. Фото автора

Fig. 5. A woman's dress and a scarf on a grave cross. Republic of Bashkortostan, Ishimbay district, Vasilyevka village. 2022. Photo of the author

с зажиганием свеч в домах по родственным группам, то летние поминовения уже без свеч, но с посещением могил родственников на территории кладбища.

Постольку поскольку *чимёк* чувашами воспринимался как один из способов коммуникации с миром предков, одним из способов общения и контактов с ними считалась одежда покойников. Об этом свидетельствуют как литературные источники, так и результаты полевых исследований.

Так, А. А. Фукс в середине XIX в. о чувашских поминках *чимёк* на кладбище оставила следующие строки: «Обыкновенно чувашки привозят с собою на кладбище вино, пиво и другие кушанья. Половину всех припасов кладут и выливают на могилы, а другую половину сами выпивают и веселятся с плясками; даже оставляют на могилах много одежды, рубах, кафтанов и женских нарядов»¹³.

Во второй половине XIX – начале XX в. об аналогичном обычае с одеждой кратко упомянули А. Ф. Риттих и М. Васильев. В частности, у А. Ф. Риттиха об этом сказано следующее: «Затем в головы покойников

¹³ Фукс А. А. Записки о чувашах и черемисах Казанской губернии. Казань : Казанский университет, 1840. С. 81.

Рис. 6. Одежда умершей женщины на стене дома во время поминальной трапезы на третьей годовщине. Республика Башкортостан, Ишимбайский р-н, с. Васильевка. 2022 г. Фото автора

Fig. 6. The clothes of the deceased woman on the wall of the house during the memorial meal on the third anniversary of death. Republic of Bashkortostan, Ishimbay district, Vasilyevka village. 2022. Photo of the author

кладут всякую одежду, смотря по состоянию»¹⁴. У М. Васильева читаем то же самое: «В головах могилы закрывают чистой белой рубаху»¹⁵.

На основе приведенных примеров ясно видно, что одежду чувашки на кладбище приносили исключительно из практических соображений, чтобы их умершие родственники ни в чем не нуждались [Петров, 2020]. По их представлениям, покойникам время от времени приходилось пополнять свой гардероб и одним из приемов поспособствовать этому являлись регулярные подношения предметов одежды во время летних поминок.

Отмеченный выше обычай даровать мертвым одежду другими народами края, например, русскими и татарами, интерпретировался весьма своеобразно и исключительно в потребительском свете. В день празднования *чимёк* они терпеливо ждали ухода чувашей с кладбищ, а потом всю оставленную одежду

¹⁴ Риттих А. Ф. Материалы для этнографии России. XIV: Казанская губерния. Часть 1. Казань : Типография Императорского университета, 1870. С. 98.

¹⁵ Васильев М. Чувашки-язычники. Чувашские поминки // Иностранное обозрение. 1913. № 4. С. 284.

забирали себе. А. Ф. Риттих по поводу таких случаев писал: «Стерегищие уход чуваш, из ближайших деревень русские крестьяне <...> увозят оставленное усопшим имущество к себе домой, употребляя лучшие вещи на одежду детей и бедных»¹⁶. Об этом же упоминается и в другом исследовании: «Уходя с кладбища, некоторые из чуваш, кроме разного кушанья, оставляют на могилах рубашки, онучи, лапти и даже кафтаны. Все это остается на могилах очень недолго, потому что, как кладбище опустеет, являются мужики и уносят оставленное»¹⁷. Надо отметить, что этим промышляли лишь беднейшие слои населения, которые испытывали крайнюю нужду и бедность.

Однако с течением времени эта традиция стала угасать и постепенно сошла на нет. Осознавая, что всякая одежда, даже и поношенная, представляет собой материальную ценность, крестьяне стали отходить от этого обычая. Кроме этой причины можно также допустить противодействие со стороны церкви, представителей местной администрации, грамотной части населения, которые всячески призывали изжить языческие обычаи и обряды. Вследствие этих и других причин одни жители одежду для покойника на кладбище приносили, но потом уносили с собой обратно, другие и вовсе перестали соблюдать этот обычай. В качестве иллюстрации приведем цитату из одного исследования: «На кладбище приходят также молодые вдовы, которые приносят с собой рубахи и порты, смотря по тому, кто помер: если отец или муж, то мужское одеянье, а если мать, то женское; становятся на колени, и, прижавши одеяние к груди, наклоняются к могиле, рыдая кладут одежду и говорят: "...отец и мать, если бы вы были живы, то я для вас этот подарок дала бы!"". Помянувши, уходят домой, унося с собой подарок»¹⁸.

В настоящее время близкий по смыслу обычай соблюдается жителями чувашского села Васильевка Ишимбайского района РБ [ПМА, 2022]. Здесь одежду, предназначенную для покойника, на кладбище приносят не ежегодно, а только на третью годовщину смерти усопшего. Если поминают мужчину, на надмогильный крест надевают мужскую рубашку,

16 Риттих А. Ф. Указанное сочинение. С. 98.

17 Европейская Россия в физическом и этнографическом отношениях / составитель В. Лядов. Санкт-Петербург : Типография П. А. Кулиша, 1861. С. 81–82.

18 Михайлов В. И. Обряды и обычаи чуваш. Санкт-Петербург : Паровая старопечатня П. О. Яблонского, 1891. С. 6.

футболку и кепку. Если поминают женщину, тогда на крест надевают или вешают женскую рубашку, а на верхнюю часть креста завязывают платок (рис. 5).

Перед уходом с кладбища эти вещи отдают кому-нибудь из родственников или друзей покойного. Кроме этого, в Васильевке одежду покойного во время поминальной трапезы вешают на вешалку где-нибудь на стене жилой комнаты и выставляют на всеобщее обозрение (рис. 6).

Аналогичные ритуалы с одеждой покойника сохранилось в похоронно-поминальной обрядности других народов Урало-Поволжья – у русских¹⁹, мордвы²⁰, удмуртов²¹, марийцев [Песецакая, 2021]. Они свидетельствует об общих и близких по смыслу мифологических представлениях, связанных со смертью человека и его одеждой.

Выводы

В соответствии с традиционными представлениями чувашей, после смерти покойник совершал переход в иной мир или сакральное пространство, однако на этом его связь с живыми не прерывалась и периодически поддерживалась посредством проведения цикла поминальных обрядов. В организации этих ритуалов важное место занимала и одежда умершего.

Приведенные в статье примеры свидетельствуют, что она отличалась разнообразием функций и выступала в разных качествах. Во-первых, одежда замещала умершего человека и, создавая его символический образ, обеспечивала его присутствие в ритуале. Во-вторых, она использовалась в качестве дара или подношения со стороны живых родственников и являлась важным средством коммуникации между миром живых и миром мертвых. Благодаря этим качествам родственники во время поминок осуществляли контакт и общение с умершим и миром предков.

19 Зорин Н. В., Лештаева Н. В. Погребальный ритуал русского населения Казанского Поволжья (конец XIX – начало XX в.) // Семейная обрядность народов Среднего Поволжья : историко-этнографические очерки. Казань : Издательство Казанского университета, 1990. С. 104–120.

20 Шигурова Т. А. Семантика картины мира в традиционном костюме мордвы. Саранск : Издательство Мордовского университета, 2012. 156 с.

21 Черных А. В. Символика одежды у куединских удмуртов // Духовная культура финно-угорских народов: история и проблемы развития. Часть 2. Глазов, 1997. С. 116–120.

Список литературы

Афанасьева Л. А. Терминология похоронно-поминальной обрядности чувашей (опыт сравнительно-сопоставительного и этнолингвокультурологического исследования). Стерлитамак : Стерлитамакский филиал БашГУ, 2017. 167 с. EDN [ZNVNDN](#)

Петров И. Г. Одежда в похоронно-поминальных обычаях и обрядах чувашей // Известия Уфимского научного центра Российской академии наук. 2015. №2. С. 55–62. EDN [TYMNVF](#)

Петров И. Г. Одежда в семейных обычаях и обрядах чувашей (XIX – начало XX века). Уфа : Башкирская энциклопедия, 2018. 296 с. EDN [ZANJZJ](#)

Петров И. Г. Одежда покойника в контексте похоронно-поминальных обычаев и обрядов чувашей // Вестник Чувашского университета. 2020. №4. С. 86–99. DOI [10.47026/1810-1909-2020-4-86-99](#). EDN [FNNTDF](#)

Песецакая А. А. Одежда в похоронно-поминальной обрядности марийцев (конец XIX – начало XX в.) // Финно-угорский мир. 2021. Том 13. №3. С. 280–292. DOI [10.15507/2076-2577.013.2021.03.280-292](#). EDN [NEZSCW](#)